

Солнст симфонического оркестра Татарской государственной филармонии имени Г. Тукая заслуженный артист ТАССР В. Серебряков начинал свою творческую деятельность в Харбине и Шанхае. В Казань он приехал будучи музыкантом эстрадного оркестра под управлением О. Лундстрема.

Живя в Китае, Серебряков часто встречался с известным певцом и актером А. Н. Вертинским. Его воспоминания об этих встречах мы предлагаем вниманию читателей.

«Я могу заплакать над его тоской...

СКОЛЬКО воспоминаний, ассоциаций возникает при упоминании имени Александра Вертинского! Он шел всю жизнь своим путем, создал свое направление на эстраде, свою особую ветвь. Образность его жеста, выразительность пения, амплитуда интонаций — все это незабываемо.

В 1937 году Вертинский приехал в Китай, в город Харбин. В то сейчас уже далекое время в Харбине проживало много русских, и, естественно, концерты такого интересного художника вызвали большой ажиотаж.

Слух об успехе певца прошел по всем городам, где жили эмигранты из России. Отовсюду стали поступать заявки, но Александр Николаевич спешил, он торопился в Шанхай, где решил поселиться постоянно.

За день до отъезда из Харбина с Вертинским произошло такой казус: в городе из-за различных междоусобных политических неурядиц был введен комендантский час, а Александр Николаевич задержался где-то в гостях и был остановлен патрулем, который доставил его в полицейский участок. Там Вертинский пытался объяснить, что он — известный артист, и ему предложили это доказать практически. Тогда Александр Николаевич встал и спел «До свиданья, друг мой, до свиданья...». Бюстители порядка сразу заулыбались, расслабились, извинились и дали Вертинскому извозчика, на котором он уехал в отель.

Во время переезда в Шанхай произошел куда более неприятный случай: у Вертинского украли портфель с нотами, весь репертуар. По видимому, воры думали, что в портфеле деньги. Через три дня должен был состояться первый концерт в лучшем театре города «Лайсеуме». И только благодаря героическим усилиям и мастерству аккомпаниатора, пианиста Г. Ротта, весь репертуар был восстановлен и записан на ноты в течение двух дней. Вертинский «нависстал» его.

Итак, Шанхай, осень 1938 года. В русских и английских газетах появились сообщения о предстоящих концертах Вертинского. Кто знал

его из живущих на английской и французской концессиях? Знали его только русские эмигранты и то, в основном, по пластинкам, где были записаны ариетки Пьеро. Надо заметить, что многие иностранцы были женаты на русских женщинах, вот они-то и явились первыми слушателями концертов Вертинского. В «Лайсеуме» состоялось подряд 10—12 концертов. Через некоторое время концерты стали проходить под аккомпанемент симфонического оркестра, аранжировки делал я.

Александр Николаевич перед первым выступлением в Шанхае волновался, как никогда. Дело в том, что незадолго до его приезда в «Лайсеуме» прошли гастроли мировых знаменитостей: скрипача Я. Хейфеца, пианиста В. Горовица, дирижера Ф. Вейнгартнера. Большинство сидящих в зале — иностранцы, не понимающие русского языка и впервые слушающие совершенно непонятные им ариетки Пьеро. Что впереди? А вдруг провал? За кулисами собрались русские актеры, музыканты, дирижеры. Александр Николаевич, бледный, говорил своей давней знакомой Е. А. Орловской: «Катя, поцелуй скорее меня три раза! Всел! Сейчас выхожу, надо сделать по заветам Федора Шаляпина не более 12 шагов к рампе...».

После первых трех-четырех вещей аплодисменты были весьма жиденькие. Но вот на очереди «Палестинское танго». Вертинский пел с таким воодушевлением, экспрессией, что зал взорвался. Шквал аплодисментов продолжался долго, это была первая «бисовка». На следующее утро местная русская газета «Заря» напечатала восторженный отзыв о премьере: откликнулись на это событие и другие газеты, в тот же день все билеты на все концерты были проданы.

Но время шло... Концерты «выдыхались». Публика у артиста не менялась, да и репертуар обновить было непросто. Вертинский решил открыть свое ночное кафе под названием «Гардения». Первое время дела шли хорошо. Александр Николаевич лично встречал гостей, ходил

между столиками, создавая домашнюю обстановку. Но через 3—4 месяца дела пошатнулись, сказались конкуренция, и Вертинский быстро успел продать «Гардению» какому-то коммерсанту. Что же делать дальше? Александр Николаевич начал выступать в вечерних русских ресторанах «Константинополь», «Черные глаза», «Ренессанс». Однажды после концерта он поехал в «Парк-отель», где играл небольшой, но превосходный оркестр под управлением известного скрипача Г. Фидлона. Вертинского, сидящего за столиком возле оркестра, заметила одна американская миллионерша и попросила спеть два старинных романса «Я Вам не говорю» и «Не говори, не говори мне этих слов». Вертинский знал только первый романс. Но пианист Л. Иткис и Г. Фидлон его не знали, второй они играли когда-то. Александр Николаевич с Иткисом удалились в оркестровую комнату, и Вертинский напел первый романс, музыканты записали его на ноты, срепетировали, и через 15—20 минут на эстраду вышли три солиста... К моему большому счастью, я был свидетелем этого удивительного музицирования.

После исполнения романса в зале стояла тишина, а затем разразилась буря оваций. Американка подошла к Вертинскому и вручила ему банковский счет на 1200 долларов. Как потом выяснилось, эта американка по происхождению была русская. По ее словам, такого великолепного исполнения она никогда не слышала.

Примерно в это же время, когда Александр Николаевич начал выступать в ночном ресторане «Константинополь», он познакомился с молодой художницей Лилей, на которой вскоре женился. Через год появилась первая дочь, а затем и вторая. Надо сказать, что, вопреки пессимистическим прогнозам знакомых, Вертинский, женившись, стал прекрасным семьянином и примерным отцом. Я встречал его ежедневно в парке, сидящим с детской коляской (это бывало утром, а ночью он работал). Мы часто беседовали об искусстве, он прекрасно знал симфоническую музыку, камерную и

часто бывал на концертах струнного квартета и на симфонических концертах.

Русское население, проживавшее тогда в Шанхае, можно было разделить на две группы: первая — зажиточные люди, имевшие свои магазины или какие-либо учреждения, и вторая, более многочисленная, состоявшая из приехавших из Харбина, когда Северный Китай оккупировали японцы. Это были честные, добросовестные труженики. Вот в этой группе людей стали все больше и больше задумываться о том, «не напрасен ли долгий путь», как пел в одной своей песне Вертинский. Все чаще стали думать о возвращении на Родину. Сначала люди собирались небольшими группами, затем возникла идея организации «Союза возвращенцев», который вскоре был образован, а через некоторое время официально открыт «Советский клуб». Основная цель той и другой организации — подготовить людей психологически и политически к возвращению в СССР. В это время началась Великая Отечественная война. Это еще более сплотило людей, которые искренне хотели вернуться на Родину и быть полезными ей в такое тяжелое время.

Вертинский сразу же вступил в «Советский клуб». В этот период он написал ряд песен о войне, о Родине: он был горячим патриотом. Поздней осенью 1944 года Вертинскому пришлось персональное разрешение на выезд в СССР, и он уехал вместе с женой и дочерьми.

С тех пор прошло много времени. С мая 1957 года Вертинского нет с нами. Вместе с движением жизни жанр, в котором он выступал, претерпевал изменения и ушел вместе со своим создателем. Ушла и публика, для которой все это было сочинено. Но вот парадокс: почему же сегодня песни Вертинского слушают с интересом? Чтобы понять это, надо внимательно вслушаться в них. О чем он пел? О любви к женщине, о любви к Родине, о жизни, которая всегда поучительна и неповторима.

В. СЕРЕБРЯКОВ.

На снимке: А. Вертинский.